
**МАККОРМИК ИЛИ БУТЕНОПЫ?
ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ
ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ
МАШИН В РОССИИ НАЧАЛА XX В.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ 1907 Г.)**

А.Ю. Петров

Кафедра истории России XIX – начала XX в.
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ломоносовский пр-т, 27-4, Москва, Россия, 119992

В статье рассмотрена проблема повышения технической вооруженности российского сельского хозяйства на начальном этапе столыпинской аграрной реформы. Автор показал противоречия, существовавшие между отдельными ведомствами императорской России, по вопросу об источниках поступления сельскохозяйственной техники для российской деревни (импорт или внутреннее производство). В результате удалось установить, что после 1907 г. правительством не было принято специальных мер, ограничивающих ввоз иностранной сельскохозяйственной техники в Россию. Вместо этого был взят курс на прямую поддержку российского сельскохозяйственного машиностроения (расширение кредитования из Государственного банка, премирование изготовленных в России сельскохозяйственных машин из средств казны и т.д.). В статье ставится проблема наличия импортозамещающих тенденций в указанной отрасли.

Ключевые слова: сельскохозяйственные машины, импорт, машиностроение, государственная политика, Особое совещание 1907 г.

С конца 1890-х гг. сельскохозяйственный сектор стал привлекать все большее внимание правящих кругов императорской России. Ряд неурожайных лет, вызвавших падение зернового экспорта и поставивших под угрозу равновесие российского бюджета, продолжавшийся упадок помещичьих хозяйств и обострившаяся проблема крестьянского малоземелья – все это ставило на повестку дня вопрос о необходимости преобразований в аграрной сфере. Между тем развитие как дворянского, так и крестьянского хозяйства было возможно лишь на пути его интенсификации (1). Одним из аспектов интенсификации российского сельского хозяйства было повышение его агротехнического уровня, в том числе путем применения усовершенствованных сельскохозяйственных машин и орудий.

Каналами поступления сельскохозяйственной техники для помещичьих и крестьянских хозяйств России служили внутреннее производство и импорт. Эти вопросы частично затрагивались в дореволюционной историографии (2). Мероприятия российского правительства в этой области отчасти изучены в упомянутой выше работе В.С. Дякина. Рассматриваемые пробле-

мы тесно переплетаются со столыпинской аграрной реформой, изучению которой посвящен целый пласт исследовательской литературы (3).

Между тем неисследованным остается начальный этап правительственной политики в области сельскохозяйственного машиностроения после революции 1905–1907 гг. Речь идет о созыве в 1907 г. при Министерстве торговли и промышленности (МТиП) Особого совещания для обсуждения вопросов, связанных с делом развития сельскохозяйственного машиностроения в России. Важное место в работе совещания заняли вопросы, связанные не только с производством сельхозтехники внутри страны, но и с ее импортом из-за рубежа. Вместе с тем материалы этого совещания, находящиеся в фонде МТиП (Ф. 23, РГИА), ранее не попадали в поле зрения исследователей, и именно их изучению посвящается настоящая статья.

Один из наиболее важных вопросов, на которые позволяют ответить материалы совещания, состоит в следующем: проводило ли российское государство курс на импортозамещение применительно к отрасли сельскохозяйственного машиностроения? Иными словами, ставилась ли им задача вытеснения иностранных сельскохозяйственных машин с российского рынка и замены их изделиями отечественных предприятий?

Кроме того, материалы Особого совещания 1907 г. дают возможность рассмотреть и ряд более частных проблем: роль государства в организации поставок сельскохозяйственных машин; противостояние с частными предпринимателями в этом вопросе; предоставление государственного кредита для приобретения сельхозтехники; междуведомственные разногласия по вопросам импорта и производства сельскохозяйственных машин в России.

Идея созыва совещания для обсуждения вопросов, связанных с делом развития сельскохозяйственного машиностроения в России, зародилась на Съезде русских фабрикантов земледельческих машин и орудий, который проходил в Харькове в декабре 1906 г. Участники съезда решили обратиться в Министерство торговли и промышленности с соответствующим ходатайством. Министр А.Д. Философов одобрил инициативу промышленников, и 3 апреля 1907 г. совещание под председательством Н.П. Лангового начало свою работу.

Соотношение представителей правительственных учреждений в совещании было следующим: от Главного управления землеустройства и земледелия МВД (ГУЗиЗ) – 4; от Министерства финансов – 2; Министерства торговли и промышленности – 5. Кроме того, к обсуждению был привлечен ряд независимых экспертов по проблемам сельскохозяйственного машиностроения (Н.Ф. Лабзин, А.Д. Гатцук, Э.Ф. Мичерлих и др.). Широко были также представлены различные съездовые организации русских промышленников: Совет съездов представителей торговли и промышленности, Съезд фабрикантов земледельческих машин, Совет съездов горнопромышленников Уральской горной области, Царства Польского и юга России (три независимые организации) и др. В работе совещания приняли участие

представители всех крупных заводов России, занимавшихся производством сельхозтехники.

Главная цель работы совещания заключалась в следующем. Оказавшись с начала 1890-х гг. втянутой в систему торговых договоров с европейскими державами и странами американского континента, российское правительство не могло более так же свободно, как ранее, изменять пошлины своего таможенного тарифа. Применительно к сельскохозяйственным машинам это означало, что Россия не могла ввести повышенную таможенную пошлину на простые сельскохозяйственные машины (4), потому что ставка на них, согласно русско-германскому договору 1904 г., была закреплена (т.е. не подлежала досрочному изменению) до 31 декабря 1917 г. Пошлины на сложные сельскохозяйственные машины и не были закреплены в 1904 г., однако в материалах совещания указывалось на то, что «иностранные государства имели в виду, что беспошлинный пропуск машин по этому пункту останется в силе до 1 января 1911 г., а потому его отмена могла бы вызвать с их стороны справедливые протесты» (5). Поэтому основная задача совещания состояла в том, чтобы найти иные, помимо таможенного покровительства, способы оказания поддержки русскому сельскохозяйственному машиностроению.

Первым из выступавших был Д.Д. Арцыбашев – один из крупнейших специалистов по сельскохозяйственному машиностроению того времени, служивший в ГУЗиЗ. Он отметил «изумительные успехи русского сельскохозяйственного машиностроения, несмотря на всеобщий упадок сельскохозяйственного промысла».

В своем выступлении Арцыбашев коснулся двух ключевых проблем российского машиностроения – необходимости улучшения условий сбыта и организации кредита. Падение спроса на сельхозтехнику в 1905–1906 гг., по его мнению, произошло вследствие не столько аграрных волнений, сколько общего безденежья. При стесненном положении земств продажа машин в кредит сильно затруднилась, а покупка через продавцов влекла за собой непомерные наценки, доходившие до 40 и даже до 50%. Задача совещания поэтому состояла в том, чтобы показать, насколько выгодно помещение капитала при организации кредита на покупку земледельческих машин и орудий. Большую роль в этом деле Арцыбашев отводил Государственному банку, который «не должен отказываться в поддержке нашего машиностроения и торговли машинами», поскольку «в общем платежи поступают исправно» и «распространение улучшенных орудий есть самый верный путь к быстрому увеличению народного богатства». Кроме того, Арцыбашев призывал поднять вопрос о сложении таможенной пошлины с отдельных частей машин, которые не изготовлялись в России (6).

Своим выступлением Арцыбашев, по сути, наметил программу дальнейшей работы совещания. В частности, был рассмотрен вопрос о предоставлении Государственным банком ссуд на приобретение сельскохозяйст-

венных машин и орудий. Чтобы лучше понять, в чем заключалась суть проблемы, необходим краткий исторический экскурс.

Ссуды этого рода стали выдаваться Государственным банком с 1894 г. на весьма льготных условиях. Они могли выдаваться сроком до трех лет под обеспечение приобретаемым инвентарем в размере его полной стоимости (на 50% ссуда обеспечивалась приобретаемым инвентарем и на другие 50% – благонадежным поручительством, круговой порукой или залогом другого инвентаря).

Однако уже с 1895 г. из филиалов в Центральное управление Государственного банка стала поступать информация об особенностях и сложностях выдачи ссуд этого рода. Управляющие филиалами банка, отмечая в целом пользу этой операции как для крестьян, так и для местных производителей сельскохозяйственных орудий, стремились найти форму ссуд, обеспечивающую интересы банка и в то же время посильную для заемщиков. Однако крестьяне, будучи основной группой заемщиков, с одной стороны, недостаточно хорошо понимали свои обязательства перед банком, а с другой – часто оказывались жертвами частных агентов и складчиков, преследовавших цель «наживы и скорейшего сбыта своего товара» зачастую ненадлежащего качества.

Чтобы клиенты более осмотрительно выбирали сельскохозяйственные машины и орудия, вкладывая в их покупку и собственные средства, правила 19 сентября 1896 г. устанавливали максимальный размер ссуды в пределах 75% от стоимости инвентаря, и эти средства выдавались на руки не заемщику, а продавцу. По новым правилам ссуды крестьянам и товариществам крестьян могли выдаваться только после проверки чиновником банка на месте данных о хозяйстве и обеспечении, хотя администрация банка и признавала крайнюю обременительность этой меры как для самого банка, так и для заемщиков (7).

В ходе Особого совещания 1907 г. Совет Государственного банка заявил о своем отказе вносить изменения в правила 1896 г., а фабрикантам сельскохозяйственных машин вместо этого было предложено производить продажу сельхозтехники через земские учреждения. Предприниматели высказались против этого предложения. Во-первых, вследствие крайне неаккуратного, по их мнению, выполнения земскими складами своих финансовых обязательств перед фабрикантами. Причину этого русские заводчики видели в том, что земства вели торговлю машинами «не на (правильных) коммерческих, а скорее благотворительных основаниях» (т.е. ставили своей главной задачей не извлечение прибыли, а снабжение населения машинами по максимально низким ценам). Во-вторых, фабриканты опасались, что торговля сельскохозяйственными машинами полностью окажется в руках заведовавших земскими складами лиц, которые, по мнению русских производителей сельхозтехники, часто «вследствие своей некомпетентности или в погоне за дешевизной, отдавали в своей местности предпочтение машинам и орудиям

какой-либо одной фирмы и препятствовали распространению машин другой фирмы, хотя машины других фирм часто более соответствовали условиям хозяйства данной местности».

Наконец, серьезное беспокойство российских предпринимателей вызвал тот факт, что выдававшийся Государственным банком кредит часто служил не для обеспечения платежей отечественным фабрикантам, но шел на покупку машин у зарубежных производителей, конкуренция с которыми и без того была очень трудна для представителей отечественного сельскохозяйственного машиностроения (8).

Именно этот последний вопрос (о возможности предоставления Государственным банком кредита на покупку сельскохозяйственных машин иностранного производства) вызвал наиболее оживленную дискуссию. Представитель ГУЗиЗ А.Н. Терне отстаивал необходимость облегчения кредита на приобретение как русских, так и иностранных машин. При этом он указывал на то, что с 1894 г. бывшее Министерство земледелия, ввиду общего направления финансовой политики (покровительство русскому производству), вынуждено было часто уступать Министерству финансов в деле расширения кредита сельским хозяевам под русские машины. Заинтересованность российских предприятий в расширении кредита для машин отечественного производства была вполне понятна, но в интересах сельского хозяйства, с точки зрения Терне, необходимо было облегчить кредит и на покупку иностранных машин, – хотя бы тех, которые не производились в России. Окончательный его вывод состоял в том, что «иностранные машины приобрели себе значительную репутацию, население их требует, и было бы жестоко лишить сельских хозяев возможности покупать эти машины» (9).

В ответ представители фабрикантов отметили, что иностранные заводы и без того самым широким образом кредитовали своих российских покупателей, а потому принятие мер, способствовавших распространению зарубежных машин, едва ли было верным решением. Главным тормозом к расширению производства русских сельскохозяйственных машиностроительных заводов служили тяжелые условия кредита в России и слабость денежного рынка.

Кроме того, фабриканты обращали внимание на то, что распространение кредита и на покупателей иностранных машин вызвало бы необходимость значительного увеличения суммы этого кредита, и Государственный банк мог в таком случае признать невозможным удовлетворение ходатайства. К тому же ссуды давались до того момента под машины русского производства, и проект намечал только изменение уже действовавших правил, для чего нужна была всего лишь санкция министра финансов; установление же выдачи ссуд под иностранные машины требовало рассмотрения в законодательном порядке, и это обстоятельство неизбежно затягивало бы принятие решения.

В итоге восторжествовала именно эта точка зрения, и совещанием было решено оставить в силе предложение о выдаче ссуд только на покупку машин русского производства (10).

Итак, в материалах совещания отчетливо прослеживается линия противостояния между производителями сельскохозяйственных машин и земскими складами. Однако еще более серьезным конкурентом, чем земские склады, по отношению к российским частным предпринимателям, занимавшимся производством сельскохозяйственных машин и орудий, являлись склады Переселенческого управления. Эта структура была создана при Министерстве внутренних дел в 1896 г., а в 1905 г. вошла в состав ГУЗиЗ. Переселенческое управление являлось важнейшим учреждением, проводившим аграрную политику П.А. Столыпина, а основной его функцией было руководство переселением крестьян из густонаселенных аграрных губерний на окраины государства (11).

Склады сельскохозяйственных машин и орудий, ранее находившиеся в ведении Министерства земледелия и государственных имуществ, а затем МВД и местных органов, были переведены под начало Переселенческого управления в 1898 г. Аккумулировав значительные капиталы, переселенческие склады стали играть важную роль в деле поставки машин для сельского хозяйства в Сибирь, покрывая третью часть существовавшего там спроса (12). Дело, однако, было в том, что склады Переселенческого управления практически сразу стали одним из крупнейших каналов поступления *иностранных* сельскохозяйственных машин в Россию. Известно, в частности, что из приобретенных в 1908–1912 гг. Переселенческим управлением сельскохозяйственных машин на сумму в 21,3 млн руб. стоимость сельскохозяйственных машин иностранного происхождения составляла 8 млн руб., или 37,6% (13).

Это обстоятельство вызывало беспокойство российских машиностроителей, что и отразили их выступления на Особом совещании 1907 г. Вот как, например, оценивал деятельность складов Переселенческого управления представитель Товарищества механического завода В.Г. Столь и К° (Воронеж): «Пользуясь беспроцентно деньгами и кредитом через Государственный банк, они не присчитывают процента на капитал; освобожденные от промыслового обложения, не знающие никаких амортизаций, рисков, не прибегая к дорогостоящей рекламе и целому ряду других обязательных для частного предпринимателя расходов, – такие казенные или общественные склады, разумеется, доводят цены до такого ненормального минимума, который не только не будит живительной инициативы частных заводчиков и складчиков, но прямо убивает ее» (14).

По мнению докладчика, рациональнее было бы не держать всей организации по переселенческим складам, которая, несмотря на видимую «прибыль», ложилась бременем на казну, так как последняя в сущности сама же оплачивала всю эту прибыль, не допуская с Переселенческого управления и на тарифе, и на процентах, и на разных других льготах. Гораздо практичнее было бы для Переселенческого управления войти в соглашения с частными складами, которые отпускали бы по ордерам управления и за его счет

действительно нуждающимся переселенцам необходимые для них орудия по их выбору, причем частные складчики в таком случае охотно пошли бы на самую значительную скидку. Если же правительство все-таки решило бы сохранить систему складов Переселенческого управления, то их деятельность необходимо было организовать на чисто коммерческих основаниях, уравнивая права правительственных и частных складов.

Совет съездов представителей торговли и промышленности в лице А.А. Вольского добавлял к этому, что деятельность Переселенческого управления в Западной Сибири являлась тормозом для распространения машин русского производства, поскольку управление являлось «монополистом в деле поставки населению преимущественно заграничных и только частью русских машин». Тем самым казна, по мнению Вольского, фактически вступала в конкуренцию с частными заводчиками и, вследствие безнадёжности для них такой конкуренции (так как переселенческие склады продавали машины дешевле, чем мог бы продавать сам заводчик), лишала их стимула к совершенствованию, создавала ненормальные условия торговли машинами. Однако торговля машинами и представляла главные трудности, поскольку именно сбыт машин для частных заводов в России являлся чрезвычайно затруднительным. Лучшим выходом из этого положения, считал Вольский, было бы, может быть, закрытие переселенческих складов и невмешательство правительства в дело продажи сельскохозяйственных машин.

Если же переселенческие склады предполагалось сохранить, то их задача, по мнению другого представителя Совета съездов Богдановского, должна была состоять в том, чтобы «помогать русскому машиностроительному делу, способствовать распространению новых типов преимущественно русских машин и содействовать организации на местах мелких предприятий и мастерских для постройки и сборки машин и для изготовления запасных частей» (15).

Сельские хозяева (т.е. помещики), напротив, положительно оценивали деятельность Переселенческого управления, которая, по их мнению, была направлена на достижение важной цели, имевшей несомненное государственное значение, – снабжение переселенцев по возможности лучшими и дешевыми машинами. Сокращать деятельность переселенческих складов в видах обеспечения частных интересов, т.е. интересов сельскохозяйственных машиностроителей, представители сельского хозяйства считали неправильным, тем более что русские заводчики в своих складах также продавали значительное количество иностранных машин, то есть по существу являлись и посредниками, а не только производителями машин. Эта информация подтверждается другими источниками. Например, считавшиеся лучшими в мире плуги Рудольфа Сакка из Лейпцига распространялись в Сибири через склады харьковской фирмы Гельферих-Саде и воронежского товарищества В.Г. Столь и К^о (16).

Как же отреагировали на критику представители ГУЗиЗ, к компетенции которого относилась деятельность Переселенческого управления? Прежде

всего ведомство указывало на то, что все льготы, которыми пользовалось Переселенческое управление, по сути, были незначительны и составляли не более 2% от общего оборота его складов. При этом управление для безубыточного ведения операций считало достаточным начисление на истинную стоимость машин 15%, и это обстоятельство вызывало нарекания частных заводов, которые считали, что норма прибыли должна была составлять 35–40% себестоимости машины.

Представитель ГУЗиЗ С.Н. Ленин отмечал, что Управление обращалось к российским фирмам, но ни относительно срока, ни относительно цен часто не могло прийти с ними к соглашению. На 1911 г. в ГУЗиЗ, по сообщению Ленина, был назначен конкурс русских уборочных машин: в случае, если бы его результаты оказались благоприятными, Главное управление собиралось принять меры к распространению этих машин, так как оно «отнюдь никогда не имело в виду тормозить отечественное сельскохозяйственное машиностроение и снабжало свои склады иностранными машинами лишь в силу крайней необходимости». Обеспечивать же русского сельского хозяина непременно российскими машинами, хотя бы они были дороже и даже хуже заграничных, с точки зрения ГУЗиЗ, не представлялось возможным, ибо такой способ действия являлся бы «переплатой в пользу русских заводчиков за счет народных сумм» (17).

В этой связи интересным представляется вопрос о том, кем же являлись эти «русские» машиностроительные фирмы, на которые неоднократно ссылались ГУЗиЗ. По словам одного из представителей этого ведомства, Переселенческое управление снабжало свои склады «русскими плугами фабрики Гена и получало молотилки от русской же фирмы Эльворти». Как видим, фамилии и того, и другого предпринимателя выдавали их иностранное происхождение. В этом не было ничего удивительного. Крупнейшие предприятия сельскохозяйственного машиностроения в России были основаны иностранцами (преимущественно выходцами из Германии): фабрика Бутенопов (основана в 1830 г.), АО «И.И. Ген» (1854 г.), т-во «М. Гельферих Саде» (1895 г.), т-во «Эмиль Липгарт и К^о» (1899 г.), АО «Лепп и Вальман» (1903 г.) (18).

По сведениям одного дореволюционного автора, к началу Первой мировой войны крупнейшими фирмами, занимавшимися торговлей сельскохозяйственными машинами в Сибири, после «Международной компании жатвенных машин» были: т-во «В.Г. Столль и Ко» (Воронеж), АО «Р. и Ш. Эльворти» (Елисаветград), т-во «Работник» (Петербург), АО «Адрианс Плат и Ко» (США), т-во «Гельферих-Саде» (Харьков), «Сибирская Компания» и «Лунд и Петерсен» (две датских фирмы маслоэкспортеров), торговый дом Бр. Винокуровых (с. Камень, Барнаульского уезда), «Рудольф Сакк» (Лейпциг), «С.Х. Рандруп» (Омск) (датская фирма), АО «Аксай» (Нахичевань), АО «Джон Гриевз и К^о» (Бердянск), торговый дом «Вдова Матиас» (Бердянск), «Эверт» (Оренбург), «Русско-шведское торгово-промышленное товарищество Гуревич» (Каховка), т-во «Эмиль Липгарт и Ко» (Москва) и другие более мелкие фирмы (19).

Разумеется, вопрос о подданстве каждого из указанных лиц, а также форме каждой фирмы или предприятия (самостоятельная компания, представительство зарубежной фирмы, комиссионерская контора) может быть разрешен лишь в результате специального исследования. Здесь же следует подчеркнуть роль иностранцев в судьбе отечественного машиностроения (кстати сказать, не только сельскохозяйственного), а также отметить тот факт, что предприятие считалось «русским» в том случае, если оно работало на русском уставе, независимо от состава акционеров и происхождения капитала. Одним из наиболее характерных эпизодов, подтверждающих этот тезис, было открытие в 1912 г. в Люберцах завода «Международной компании жатвенных машин». В правительственных кругах это предприятие, являвшееся по сути дочерней компанией американской корпорации, с самого начала рассматривалось не иначе как «русское» (20).

Вернемся к материалам Особого совещания. Обвинения со стороны предпринимателей в том, что Переселенческое управление навязывало населению определенные типы машин, которые не всегда оптимально подходили к условиям той или иной местности, чиновники ГУЗиЗ парировали тем, что в Сибири со складами Переселенческого управления конкурировали 12 фирм. Также отрицался тот факт, что правительство намеренно использовало склады управления для конкурентной борьбы с частными предпринимателями. Склады Переселенческого управления открывались в тех местах, где уже существовали склады частных фирм (например, в Челябинске и Красноярске), лишь потому, что только из Челябинска можно было снабжать сеть складов, организованную для Тургайской и Уральской областей (куда шла переселенческая волна и где требовались машины, приспособленные для земель степного типа), и только из Красноярска имелась возможность поставлять машины для сети складов Минусинского края.

Несостоятельным признавали представители ГУЗиЗ и обвинение в том, что Переселенческое управление продавало машины по слишком низким ценам. Напротив, по заявлению самого управления, цены эти были слишком высоки из-за требования фирмы Диринг в 1905 г. зафиксировать цены на уборочные машины, а также по причине непрочной коммерческой постановки дела, в результате чего управление было вынуждено начислять на заготовочную стоимость машин, как было указано выше, 15% на расходы по продаже. Оно заботилось прежде всего о переселенце, платежные силы которого были очень невелики. Подтверждением этому, по мнению управления, служил тот факт, что когда в 1904 г., с целью сокращения кредита, было введено правило о внесении при покупке машины задатка в размере $\frac{1}{3}$ стоимости машины, второй трети осенью и последней трети к концу года, оборот складов сразу упал до 1200 тыс. руб., и только с отменой этой меры в 1905 г. сумма оборота вновь достигла 2 млн руб.

Наконец, считали чиновники ГУЗиЗ, Переселенческое управление едва ли заслуживало упрека в отношении игнорирования культурных задач: не

говоря о том, что на складах управления имелись обыкновенно разные типы машин и что оно стремилось именно к тому, чтобы дать населению не только наиболее дешевую, но и лучшую машину, управление, по сообщению его сотрудников, «в недавнее время отчислило около 200 тыс. руб. из прибылей складов для устройства в Петухове школы монтеров, где преподавались сборка и ремонт машин и откуда ежегодно выпускались 10–15 монтеров» (21).

Важную роль в противостоянии русских производителей сельскохозяйственных машин и Переселенческого управления сыграла позиция министра торговли и промышленности. В своем письме к главноуправляющему устройством и земледелием он указывал на многочисленные льготы, которыми пользовались переселенческие склады, и отстаивал желательность такой организации их деятельности, которая содействовала бы развитию сельскохозяйственного машиностроения в России. В итоге 10 апреля 1907 г. совещание пришло к единогласному заключению, согласно которому переселенческие склады желательно было «уравнять в отношении условий их коммерческой деятельности со складами частными» (22).

Немало внимания совещание уделило непосредственно вопросу о ввозе иностранных сельскохозяйственных машин. Отмечая, «сокращение в России крупного сельского хозяйства», под которым, очевидно, подразумевались владения помещиков, и сокращение привоза паровых молотилок, совещание не находило нужным поощрять импорт этих машин, слишком дорогих для «мелкого», т.е. крестьянского, землевладения. Наоборот, необходимо было стимулировать привоз машин, служивших для интенсификации сельского хозяйства, в том числе машин для животноводства, являвшегося одной из форм интенсивного сельского хозяйства.

С этой точки зрения совещание обращало внимание на следующие виды машин, импорт которых заслуживал поощрения: ирригационные приборы, холодильные машины, дробилки для корма скота, машины для изготовления овощных консервов, приборы для виноделия. В то же время отмечалась необходимость облегчения привоза частей машин, которые изнашивались гораздо быстрее самой машины и замена которых порой оказывалась очень затруднительна, а также и тех частей машин, которые не изготовлялись в России (23). В итоге все эти части были допущены к беспошлинному привозу, согласно закону 24 мая 1909 г. (24).

Эффективность этой меры ставилась под сомнение еще в ходе работы совещания 1907 г. В частности, говорилось о том, что «в случае разрешения беспошлинного пропуска только отдельных деталей этих машин, постройка их в России развиваться не будет, а будет только происходить сборка выписываемых из-за границы частей» (25).

Следует признать, что опасения эти были небезосновательны. Необходимость импорта отдельных частей сельскохозяйственных машин из-за границы, разумеется, не могла обеспечить российским производителям полностью независимого положения от заграницы. Вместе с тем такая постановка

дела все-таки открывала перспективы для создания сложного сельскохозяйственного машиностроения в России. В будущем с развитием тех отраслей промышленности, которые поставляли сырье и полуфабрикаты для отечественного машиностроения, последнее могло рассчитывать на то, что ему удастся избавиться от необходимости производить заказы отдельных частей у иностранных производителей.

Работа Особого совещания 1907 г., созванного по инициативе российских предприятий сельскохозяйственного машиностроения, протекала в общем русле торгово-промышленной политики России периода 1904–1914 гг., характерными элементами которой были отказ от «насаждения» промышленности, понимаемого как всесторонне содействие (административное и материальное) скорейшему возникновению новых и расширению деятельности уже существующих промышленных предприятий, и усиление внимания к аграрному сектору экономики (26). Однако указанная политика не предполагала полного прекращения государственной поддержки по отношению к отдельным отраслям промышленности, и сельскохозяйственное машиностроение не явилось исключением.

На совещании были приняты решения, отвечавшие интересам частных машиностроительных предприятий. Кредит из Государственного банка не был распространен на приобретение машин иностранного производства, а склады Переселенческого управления признавалось необходимым поставить в равные экономические условия со складами частными. Намеченные в ходе работы Особого совещания 1907 г. способы поддержки отечественного сельскохозяйственного машиностроения получили развитие в ряде позднейших законодательных инициатив правительства.

Законом 24 мая 1909 г. устанавливался беспошлинный ввоз в страну тех деталей и частей сельскохозяйственных машин, которые не изготовлялись в России. Были расширены ссуды Государственного банка на покупку сельскохозяйственного инвентаря: за 1911–1914 гг. этот показатель составил 46,6 млн руб. по сравнению с 3,8 млн руб., выданными в 1894–1897 гг. (27). Наконец, закон 26 апреля 1912 г., ставший итогом правительственного курса на поддержку сельскохозяйственного машиностроения, своим появлением во многом был обязан тому, что на Особом совещании 1907 г. было решено отказаться от дальнейшего повышения ставок таможенного тарифа как средства покровительства отечественному производству сельскохозяйственной техники.

С одной стороны, к этому решению Россию подталкивали ее международные обязательства по русско-германскому торговому договору 1904 г., который фиксировал ставки российского таможенного тарифа на ввозимые из Германии сельскохозяйственные машины до 31 декабря 1917 г. Однако в материалах совещания отказ от дополнительного таможенного обложения зарубежной сельхозтехники мотивировался правительством также заботой о российских потребителях, которым в случае повышения таможенной пошлины пришлось бы переплачивать за иностранные машины.

Интересы сельских хозяев на Особом совещании 1907 г. отстаивали представители ГУЗиЗ, которые положительно смотрели на перспективы дальнейшего увеличения импорта сельскохозяйственных машин в Россию, исходя из того, что российские потребители предъявляли устойчивый спрос на зарубежную сельхозтехнику. По этой причине основная полемика развернулась между служащими ГУЗиЗ и представителями частных машиностроительных предприятий, которые стремились препятствовать притоку иностранных сельскохозяйственных машин в Россию. Министерство торговли и промышленности в этом противостоянии выступило в роли арбитра, отчасти уступив требованиям отечественных производителей, о чем было сказано выше.

Государство принимало непосредственное участие в торговле сельскохозяйственными машинами, опираясь на созданную им сеть складов Переселенческого управления. Особенного размаха этот вид торговли достиг в годы столыпинской аграрной реформы, способствовавшей массовому притоку крестьянского населения в Сибирь: если за восьмилетие 1898–1906 гг. из складов было продано машин и орудий на 12 млн руб., то в следующие восемь лет (1907–1914 гг.) – на 50 млн (28). На Особом совещании 1907 г. представители российского сельскохозяйственного машиностроения обрушились с критикой на деятельность складов Переселенческого управления в Сибири, пытаясь доказать, что последние занимались распространением сельскохозяйственных машин преимущественно иностранного производства. Не располагая точными данными о доли иностранных машин в общем количестве сельскохозяйственной техники, проданной складами Переселенческого управления, отметим лишь, что контраргументы представителей ГУЗиЗ, высказанные в совещании, заставляют усомниться в том, что заявления промышленников отражали действительное положение дел. Как бы то ни было, операции складов Переселенческого управления, как было показано выше, продолжали шириться и по завершении работы рассматриваемого совещания.

Что касается поставленной в начале статьи проблемы импортозамещения применительно к отрасли сельскохозяйственного машиностроения (т.е. вытеснения иностранных сельскохозяйственных машин с российского рынка и замены их изделиями отечественных предприятий), то материалы Особого совещания 1907 г. позволяют уверенно говорить о том, что подобная задача правительством императорской России не ставилась. В своей практической деятельности оно не создавало законодательных и административных препонов для ввоза сельскохозяйственной техники из-за рубежа и одновременно принимало меры для поддержки отечественных производителей. С одной стороны, это объяснялось тем, что сельскохозяйственное машиностроение не являлось в глазах российского правительства стратегически важным производством (как это было, например, с паровозостроением и отраслями, обслуживающими военные потребности государства). С другой

стороны, необходимость увеличения экспорта сельскохозяйственной продукции, от которого во многом зависело равновесие российского бюджета, и невозможность российского машиностроения в полной мере удовлетворить внутрисоветский спрос на сельскохозяйственный инвентарь подталкивало государство к тому, чтобы не создавать искусственных препятствий для импорта иностранных машин в Россию.

В 1906–1913 гг. спрос на сельскохозяйственные машины в России вырос в 2,8 раза (см. табл.). Причиной тому послужила столыпинская аграрная реформа, ускорившая капиталистическую эволюцию помещичьих и крупных крестьянских хозяйств. Одним из составных элементов этой эволюции являлось обзаведение современной сельскохозяйственной техникой, хотя общий технический уровень массы среднего крестьянского хозяйства оставался низким (29). Кроме того, рост цен на сельскохозяйственные продукты и хорошие урожаи 1909, 1910 и 1912 гг. создали у аграрного населения избыток платежных средств, которые оно могло вложить в покупку сельскохозяйственных машин и орудий.

Таблица

Производство сельскохозяйственных машин в России и их импорт, 1906–1913 гг., тыс. руб. (30)

Годы	Общее потребление	% увеличения	Импорт	% общего потребления	% увеличения	Внутреннее производство	% общего потребления	% увеличения
1906	39 650	100	19 650	49,5	100	20 000	50,5	100
1907	46 296	117	22 296	48,1	113	24 000	51,9	120
1908	61 340	155	28 340	48,0	144	33 000	52,0	165
1909	78 276	197	43 276	55,2	220	35 000	44,8	175
1910	86 075	217	42 075	48,9	214	44 000	51,5	220
1911	108 187	273	57 873	53,4	295	50 317	46,6	252
1912	116 173	293	63 545	54,6	323	52 628	45,4	263
1913	109 186	275	48 678	44,6	248	60 508	55,4	303

Агрегированные данные по импорту и внутреннему производству сельскохозяйственных машин за 1906–1913 гг. показывают, что произведения как российских, так и зарубежных машиностроительных предприятий удовлетворяли спрос на них приблизительно в равной пропорции. Это свидетельствует о том, что сельскохозяйственное машиностроение в России еще до начала столыпинской аграрной реформы успело пустить прочные корни и могло развиваться без существенного таможенного покровительства со стороны государства. Важно, что российское государство не проводило целенаправленной политики на импортозамещение по отношению к сельскохозяйственному машиностроению, что доказывает спонтанный характер процесса импортозамещения в отрасли.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Дякин В.С.* Деньги для сельского хозяйства, 1892–1914 гг. Аграрный кредит в экономической политике царизма. – СПб., 1997. – С. 3–4.
- (2) *Мичерлих Э.Ф.* Ввоз в Россию иностранных сельскохозяйственных орудий и машин и меры к поощрению отечественного их производства (записка). – СПб., 1907; *Кафенгауз Л.Б.* Развитие русского сельскохозяйственного машиностроения. – Харьков, 1910; *Полферов Я.Я.* Сельскохозяйственные машины и орудия, их производство и ввоз в Россию. – Пг., 1914; *Измайловская Е.И.* Русское сельскохозяйственное машиностроение. – М., 1920.
- (3) См., напр.: *Анфимов А.М.* П.А. Столыпин и российское крестьянство. – М., 2002; *Дубровский С.М.* Столыпинская земельная реформа. – М., 1963; *Давыдов М.А.* Всероссийский рынок в конце XIX – начале XX в. и железнодорожная статистика. – СПб., 2010.
- (4) По номенклатуре таможенного тарифа Российской Империи в группу «сложных сельскохозяйственных машин» входили произведения сельскохозяйственного машиностроения усложненной конструкции, которые приводились в действие за счет механической энергии или тягловой силы животных (жнеи-сноповязалки, жнеи с самосбрасывающим прибором, паровые плуги и т.д.). К «простым сельскохозяйственным машинам» относились все прочие машины и орудия, как-то: плуги, бороны, сенокосилки, некоторые виды молотилок и т.д.
- (5) РГИА. – Ф. 23. – Оп. 9. – Д. 229. – Л. 3.
- (6) Там же. – Л. 4.
- (7) История Банка России, 1860–2010. – М., 2010. – Т. 1. – С. 260–261.
- (8) РГИА. – Ф. 23. – Оп. 9. – Д. 229. – Л. 7 об–9.
- (9) Там же. – Л. 11 об.
- (10) Там же. – Л. 12–12 об.
- (11) *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. – М., 2008. – С. 299.
- (12) *Анфимов А.М.* Столыпин и российское крестьянство... – С. 179–180.
- (13) *Лебедев В.В.* Русско-американские экономические отношения, 1900–1917 гг. – М., 1964. – С. 135.
- (14) РГИА. – Ф. 23. – Оп. 9. – Д. 229. – Л. 16.
- (15) Там же. – Л. 19 об.–20.
- (16) *Полферов Я.Я.* Сельскохозяйственные машины... – С. 25.
- (17) РГИА. – Ф. 23. – Оп. 9. – Д. 229. – Л. 21–21 об.
- (18) Экономическая история России: Энциклопедия. – М., 2008. – Т. 1. – С. 310, 500, 498, 1240, 1218.
- (19) *Полферов Я.Я.* Сельскохозяйственные машины... – С. 25.
- (20) *Carstensen F.V.* American Enterprise in Foreign Markets: Studies of Singer and International Harvester in Imperial Russia. – L., 1984. – P. 174–205; *Carstensen F.V.* American Enterprise in Foreign Markets: Studies of Singer and International Harvester in Imperial Russia. – L., 1984. – P. 174–205.
- (21) РГИА. – Ф. 23. – Оп. 9. – Д. 229. – Л. 21–22 об.
- (22) Там же. – Л. 22 об.
- (23) Там же. – Л. 4 об. Речь шла о следующих частях машин: «панцирная сталь для отвалов»; «стальные зубья для конных грабель»; «стальные диски для культиваторов, плугов и сеялок, в обделанном виде»; «пластинки, сегменты и собранные но-

жи для жатвенных машин»; «семяпроводы для рядовых сеялок»; «собранные вязальные аппараты для жней-сноповязалок»; «холсты к жнеям-сноповязалкам»; «шпагат для жней-сноповязалок, в количестве 30 пудов при каждом вязальном аппарате».

- (24) ПСЗ-III. – Т. XXIX. – Отд. 1. – С. 380. – № 31914.
- (25) РГИА. – Ф. 23. – Оп. 9. – Д. 229. – Л. 26 об.
- (26) *Шепелев Л.Е.* Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. – Л., 1987. – С. 254.
- (27) Государственный банк. Отчет за 1915 г. – Пг., 1915. – С. 15; История Банка России, 1860–2010. – Т. 1. – С. 261.
- (28) *Анфимов А.М.* Столыпин... – С. 179–180.
- (29) *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР. – М., 1948. – Т. 2. – С. 275–276.
- (30) *Измайловская Е.И.* Сельскохозяйственные машины... – С. 13.

**MCCORMICK OR THE BUTENOPS?
PROBLEM OF STATE SUPPORT OF AGRICULTURAL MACHINES
PRODUCTION IMPORT SUBSTITUTION IN RUSSIA
IN THE EARLY 20th CENTURY
(FOLLOWING MATERIALS OF 1907 SPECIAL CONFERENCE)**

A.Yu. Petrov

Chair of Russian History of the 19th – early 20th Century
M.V. Lomonosov⁷ Moscow State University
Lomonosovsky Ave., 27-4, Moscow, Russia, 119992

In the article the author analyses the problem of improving technical equipment of the Russian agriculture at the outset of the Stolypin agrarian reforms. The author shows contradictions between different governmental bodies of the Russian empire over the issue of the sources of supply of agricultural machinery for the Russian rural population (import or domestic production). It becomes clear, that after 1907 the Russian government took no special measures to restrict import of foreign agricultural machinery to Russia. Instead a new policy of direct support of the Russian agricultural machine-building industry was accepted (extension of credit from the Bank of Russia, awarding a bonus for the agricultural machines manufactured in Russia etc.). The article poses a problem of import substitution tendencies in the above-mentioned industry.

Key words: agricultural machinery, import, machine-building, state policy, the Special counsel of 1907.